

Чехов А.П.

21.02.96

ЛЕТО 1902 года Чехов провел на подмосковной даче Станиславского в сельце Любимовка по Ярославской железной дороге на берегу живописной речки Клязьмы. Сам хозяин старого дома отдыхал с семьей за границей. Для Чехова, заботливо опекаемого родными Станиславского и его прислугой, Любимовка стала домом творчества, как сказали бы сегодня. Он обдумывал здесь свою новую пьесу, давно обещавшую Художественному театру.

Следы любовного лета Чехова в персонажах "Вишневого сада" Станиславский обнаружил сразу, как только получил из Ялты рукопись пьесы. Он расшифровывал прототипы Раневской и Гаева, Ани и Пети Трофимова, Яши, Дуниши, Шарлотты Ивановны и Епиходова, им опознанные, всякий раз, когда речь заходила о "Вишневом саде".

Прототип чеховской Шарлотты Ивановны — молодая англичанка Лили Глассби — жила в семье кузины Станиславского Елены Николаевны Смирновой, урожденной Бостанжогло, дочери табачного фабриканта, купца первой гильдии. Мать Елены Николаевны Смирновой и мать Станиславского — родные сестры. У Смирновых — Елены Николаевны и ее мужа Сергея Николаевича, учителя Второго мужского московского гимназия, личного дворежника, было пятеро детей: четыре дочери и младший сын Николай, по-домашнему Кока. В Любимовское лето Чехова ему было 10 лет. С ним главным образом и возилась Лили.

"Смирновские девицы", как называл сестер Смирновых Чехов, крутились вокруг него и Ольги Леонардовны. То прогуливали их по окрестностям. То катали на лодке. То таскали им белые грибы и охапки полевых цветов. Пятнадцатилетней гимназистке Наташе Смирновой, талантливой художнице, Чехов позволил писать его портрет. А сам он на непродолжительных сеансах вглядывался в эту девочку, самостоятельную и серьезную, ища в ней свою будущую Аню Раневскую.

А Лили Глассби все тянула Антона Павловича в церковь Покрова Святой Богородицы, отреставрированную и любовно украшенную еще в конце 1860-х покойным отцом Станиславского.

Маленькая, по-балетному хрупкая, прекусно коверкавшая слова, англичанка веселила Чехова. Они много смеялись вместе, говоря друг другу несусветную чушь. Ольга Леонардовна чуть-чуть ревновала мужа к Лили. А ее записочки — вроде этой, сопроводительной к мороженому, присланному от Смирновых, — приводили Чехова в восторг:

"Брат Антон! Мороженое для тебя, но хорошо если ты други тоже будешь, только не простудес. Будет здоров. Христос с тобой. Твой друг Лили".

Лили ко всем обращалась на "ты". Что очень нравилось Чехову, свидетельствует Станиславский, принявший "ты" и "брат Антон" за панибратство.

Лили и Чехов говорились, когда Чехов уезжал из Любимовки, что будут писать друг другу. Лили выполнила свое обещание, невольно закрепляясь в стилистике речи Шарлотты Ивановны, чей образ уже складывался в воображении писателя. Все так же смешно путая род, падежи, мягкий и твердый знаки и старательно выводя "яти", Лили писала Чехову:

"Брат Антон! Как долго время по казаться как ты уехала от себя, мне жаль потому я люблю знать что ты была. Как тебе здоров?"

Счастливы ли ты? Мне очень жаль что твою жену совсем одна, она я думаю очень скучно.

У нас все здоров кроме Кока он себе нарезала нога, но теперь он тоже здоров. Маня, Наташа и Женя тебе кланяться и желаю тебе счастья и здоровья.

Пожалуйста поскорее возвращаться или мы тебе не буду видеть.

Теперь ты пишешь мне письмо, потому ты мне сказала если я тебе буду писать ты мне тоже будешь. Когда ты будешь здесь?

Прощай дорогой брат.

Христос с тобой.

Люблю тебе

Лили".

Чехов обещанного письма Лили так и не написал.

Лили горько плакала, когда 3 июля 1904 года гувернантка детей Станиславского, приятельница Лили, прислала на дачу Смирновых записку о страшном известии из Баденвейлера.

На этом реальная история взаимоотношений англичанки, прототипа Шарлотты Ивановны в "Вишневом саде", и сочинившего Шарлотту драматурга завершилась.

НО ЖИЗНЬ Лили Глассби в России продолжалась и после смерти Чехова. И в ней было все: и счастье, и беда.

В 1911 или в 1912 году, после смерти Елены Николаевны Смирновой-Бостанжогло, Лили вышла замуж за овдовевшего Сергея Николаевича и стала Еленой Романовной Смирновой, мачехой "смирновских девиц" и Коки, своих воспитанников.

В 1918-м была национализирована табачная фабрика Бостанжогло и кончилось материальное благополучие всех Бостанжогло и всех Смирновых.

В 1920-м был расстрелян за спекуляцию на спекулятивных рублях Василий Николаевич Бостанжогло, родной брат покойной Елены Николаевны, ученый-орнитолог с мировым именем, близкий друг Сергея Николаевича. И в том же году Елена Романовна Смирнова овдовела: Сергей Николаевич умер от воспаления легких. Обрусевшая англичанка, уплотненная подселенцами в бывшем роскошном особняке Бостанжогло на Старой Басманной в две комнатки, вынужденная из парадного зала, осталась в советской России одна. Английский славист Харви Питчер, переводчик Чехова, автор книги об Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой и прелестной документально-художественной повести о Лили до ее отъезда из Англии в Россию и после возвращения на родину, не имевший материалов о ее пятнадцатилетии в Союзе, сочинил трогательную историю о том, как однажды Сергей Николаевич Смирнов не вернулся домой, как искала его Лили на Вербилки и в Бутырке и не нашла, как спас ее, вылечив от тифа в своем госпитале, будто бы ставший врачом Николай Сергеевич Смирнов, ее воспитанник Кока.

Русская действительность была уродливее и много страшнее, чем виделась она издали влюбленному в Россию английскому ученому. Хотя, конечно же, сюжет о послеволюционных Смирновых и о Лили крутился вокруг Вербилки и Бутырок. Тут Харви Питчер угадал. Попал в самую точку.

Открывшиеся современному исследователю российские архивы позволили чуть-чуть приоткрыть и духовную биографию Елены Романовны Смирновой, урожденной Глассби. Они пролили новый и неожиданный свет и на характер взаимоотношений Чехова и Лили в 1902 году.

20 апреля 1921 года, уже после смерти мужа, Лили написала письмо нарком просвещения А.В.Луначарскому с тем же "ты" высокопоставленному ли-

вместо молитв евангелические гимны, славя Иисуса Христа, в молельной комнате в квартире № 1 дома № 9 по Покровке, где размещался штаб "Армии спасения". А после служения Богу и в другие дни недели "спасители" шли на улицы, на вокзалы, в семьи убитых на войне или арестованных и расстрелянных, и мыли, кормили, одевали и лечили, как могли, раздавая еду, вещи и медикаменты, получаемые "Армией спасения" от Международного Красного Креста или в Комиссии помощи голодающим при ВЦИКе (Помгол), и, главное, врачевали страждущих Божиим словом.

Деятельность "Армии спасения", зарегистрированной в культпросветотделе Наркомпроса в 1918 году, была официально разрешена.

ные сношения с заграничными политическими характерами. Молельный зал, где проходили собрания "Армии", был опечатан, а в жилые комнаты солдат вселились по ордеру посторонние кожные жильцы. В доме устраивалось совдеповское общежитие.

Четверых арестованных через месяц выпустили, и постановлением конфликтной комиссии Горсовета страд получив вместо прежних, уже занятых комнат другие в той же квартире.

Константинову держали в Новинской тюрьме семь недель без допроса и без предъявления обвинения. А потом передали дело в Ревтрибунал. Тогда-то и написала Лили свое личное письмо к Луначарскому. И весь московский отряд "Армии спасения" вступил в бой, завалив протестами против необоснованных репрессий и ходатайствами об освобождении Константиновой все возможные советские инстанции. Он обратился в Совнарком, в ВЦИК, в Политический Красный Крест, в ВЧК. На заявлении отряда в Совнарком управделами поставил резолюцию: "Председателю ВЦИК тов. М.И.Калинину. Прошу принять и выслушать "спасителей". И на обращении Лили к Луначарскому резолюция: "тел. пос." — телефограмма послана. В то время как на других прошениях, отправленных в собственные руки Луначарскому и подшитых в той же папке управделами Наркомпроса, иная резолюция: "без последствий".

Общими усилиями Надежду Ивановну из тюрьмы вызволили. Но "Армия спасения" была ликвидирована. А те ее солдаты, что жили с Богом, собирались теперь в басманной комнате Лили, пока хозяйка ее в год разрушения храма Христа Спасителя и разворачивавшейся шпионажи после изнурительных хлопот о выезде не отбыла на родину, в Англию, где умерла на покое в начале 1950-х, так и оставшись миссис Смирновой.

Судьба ее воспитанника Коки Смирнова, двоюродного племянника Станиславского, который в августе 1902 года "нарезала нога", как писала Лили Чехову, сложилась куда как трагичнее. Харви Питчер, познакомившийся с письмом Лили, думал, что Кока — это собачка. Его сблизил с толку собачка Шарлотты Ивановны, которая "кушает орехи". На Коку Смирнова, на Николая Сергеевича Смирнова, родившегося в Москве в 1892 году потомственным почетным гражданином города, обрушилось после 1917-го все то, что испытывали миллионы "бывших". Вмиг ставших гражданами второго сорта.

Ему была уготована рождением карьера фабриканта. В 1911-м он кончил Вторую мужскую московскую гимназию, где преподавал словесность его отец. Потом были два курса коммерческого института и курс

юридического факультета в Московском университете. А параллельно с учебной он осваивал дело, основанное его прадедом. С 1913-го он уже заведовал типографией и складом готовых изделий на фабрике Бостанжогло. Крупнейшей в Москве и в России табачной фабрике. После национализации фабрики в 1918-м и до 1920-го он оставался на ней служить. Поначалу революции нужны были специалисты. Потом была работа агента на процентах в издательстве Камерного театра, на киностудии "Межрабпомфильм", у владельца фибровой фабрики "Торговос" — Всесоюзного общества слепых. С должности помощника заведующего этой фабрикой он в 1925 году перешел на Гознак, где до своего ареста в 1935 году работал техником отдела снабжения по импорту и делал переводы с французского, английского, которому его выучила Лили, и с немецкого для отдела информации Гознака. За свой "немецкий" он и пострадал. При аресте у него изъяли немецкие журналы. Это была серьезная улика против арестованного, подозреваемого в шпионаже.

С такой анкетой, как у него, арест был неизбежен. Николай Сергеевич ничего не скрыл от следствия: ни расстрела дяди Василия Николаевича в 1920-м, ни ссылки в Воронеж дяди Михаила Николаевича Бостанжогло. За что были арестованы и отбывали наказания его кузины Василий Васильевич Бостанжогло, сын Василия Николаевича, и Борис Александрович Гальбек, сын его тетки Александры Николаевны Бостанжогло-Гальбек, бывшей певицы Мамонтовской оперы, Николай Сергеевич в самом деле не знал. "Нет за что..." — сказала бы Лили Глассби, его гувернантка и мачеха.

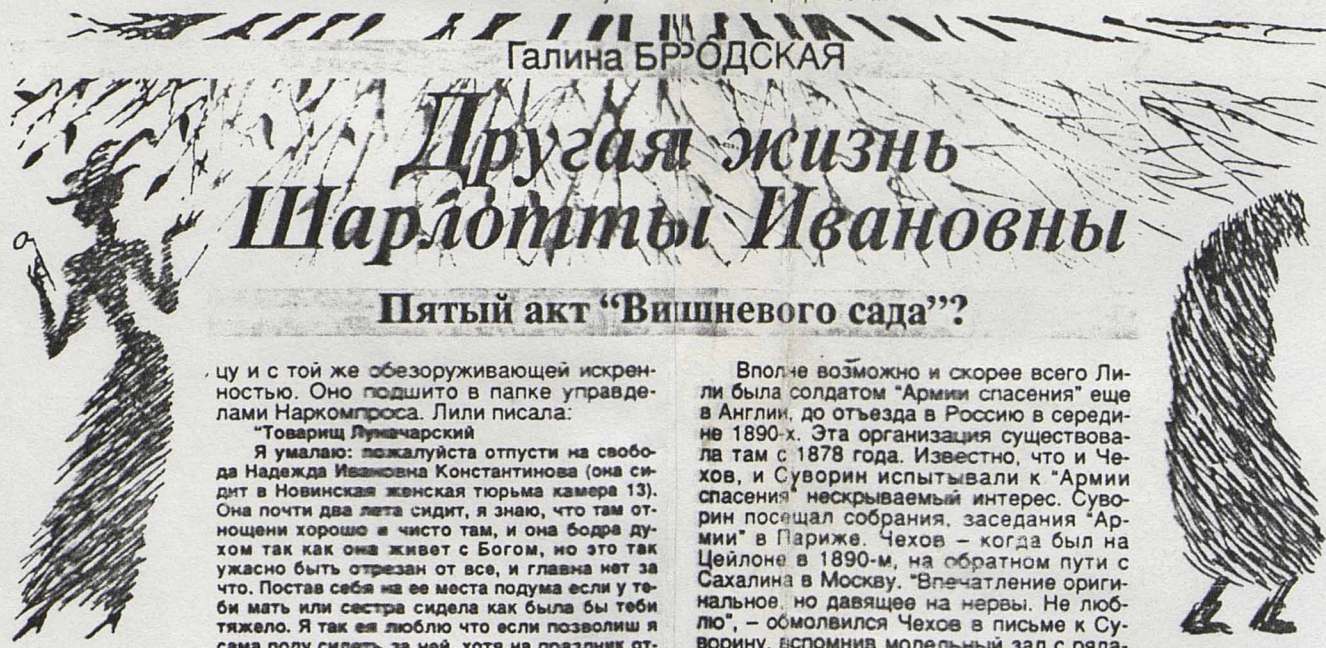
За "нет за что" Николай Сергеевич получил три года в Сиблаге.

С 1938 года он был прописан в деревне Левино Медынского района Смоленской области. После освобождения из Сиблага на него распространялось правило "минус шесть" — запрет на проживание в шести крупных городах СССР. Здесь он и был вторично арестован районным отделением НКВД. Показаниями 14 свидетелей он изобличался в том, что на временно оккупированной территории способствовал немецким властям в сборе продуктов и теплых вещей среди местного населения, а также в проведении антисоветской агитации среди колхозников. Предъявленного ему обвинения он не признал, но был приговорен в июне 1942 года военным трибуналом 49-й армии к 10 годам исправтрудлага.

Умер он в одном из лагерей Сибири в 1943-м и в мае 1989 года получил реабилитацию. Без всякого запроса и по обоим делам. Детей у него не было. Просто пришел его черед в Генеральной прокуратуре РСФСР, пересматривающей в плановом порядке сваленные в архивах НКВД — КГБ штабеля следственных дел.

Сюжет жизни Николая Сергеевича Смирнова уложился во вполне "обыкновенную историю". Одну из многих миллионов историй "эпохи исчезновения".

Чехов знал: "Жизнь долгая, — будет еще и хорошего и дурного, всего будет. Велика матушка Россия!" Но даже и он, почти пророк, не подозревал, что на месте вырубленных "вишневых садов", где бегали беспечные дети под присмотром гувернанток, пыльным цветом расцветет ГУЛАГ и поглотит тех детей, ставших советскими гражданами.

Галина БРОДСКАЯ

Другая жизнь Шарлотты Ивановны

Пятый акт "Вишневого сада"?

цу и с той же обезоруживающей искренностью. Оно подшито в папке управделами Наркомпроса. Лили писала:

"Товарищ Луначарский Я умоляю: пожалуйста отпусти на свободу Надежду Ивановну Константинову (она сидит в Новинской женской тюрьме камера 13). Она почти два года сидит, я знаю, что там отнюдь хорошо и чисто там, и она бодрее духом так как она живет с Богом, но это так ужасно быть отрезан от все, и главная нет за что. Постав себя на ее места подумай если у тебя мать или сестра сидела как была бы тебе тяжело. Я так ее люблю что если позволил я сама поду сидеть за ней, хотя на праздник отпустила если не ради Пасха, хоть ради иначе-начни (всенощной? — Г.Б.) праздник пожалуйста отпусти.

Прости, что я беспокою сама бы хотела видеть тебя но не знаю куда идти. Хотя я Англичанка я очень люблю русских, ибо от них кроме любви и ласки я ничего не получила всегда. Иди раз прошу, отпусти пожалуйста хотя на праздник.

Елена Смирнова урожденная Глассби Е.Р.С. Ст.Басманная д.35 кв.2". Е.Р.С. — это ее инициалы.

Была ли Лили знакома с Луначарским ("сама бы хотела видеть тебя"), установить не удалось. Зато запрос архива Федеральной службы безопасности, хранящего следственные дела арестованных, увенчался успехом. Н.И.Константинова, уроженка Гельсингфорса, оказалась руководителем московского отряда международной христианской организации "Армия спасения" в чине ее капитана. А Лили оказалась солдатом "Армии спасения".

Верующему в доктрины "Армии спасения" полагалось, кроме служения Богу, служить еще и несчастным: бездомным, нищим, воякам, вора, убийцам, опустившимся женщинам, детям, оставшимся без родителей. Тридцать-сорок солдат "Армии спасения", и Лили в их числе, три раза в неделю посвящали время изучению Библии: слушали лекции и проповеди и пели, как положено,

Может быть, "брат Антон" в обращении Лили к Чехову и свидетельствует любовных обитателей о том, что Лили таскала Чехова в церковь Покрова Святой Богородицы летом 1902 года, связана с ее христианством и с ее миссией солдата "Армии спасения".

Арест Н.И.Константиновой и еще четверых активистов "Армии спасения" в начале марта 1921 года был началом кампании по ликвидации религиозных организаций в России.

Одновременно с арестом "армейской" верхушки в помещении на Покровке был произведен обыск. У Н.И.Константиновой конфисковали письма к родителям в Гельсингфорс и к полковнику "Армии спасения" К.Ларсену в Стокгольм. Надежда Ивановна писала ему: "Мы живем словно в глубокой и темной долине". Следовательно ВЧК усмотрел в этих строках "письмен-

лит. газета - 1996. - 21 февраль - с. 6.